

вперед, не удерживая свой меч от пролития крови», но нося его всегда при бедре, переходя от ворот к воротам, пропикая через поля, не делая ни для кого исключения; он бился во имя Господа «с оружием правды в правой и левой руке», и так как живая собака лучше мертвого льва, то он не переставал непрерывным лаем отгонять волков от овчарни, насыпал неведомым словом науки, подкреплял угнетенных словом утешения, поддерживал и назидал тех, которые сомневались, словом увещания, тех, которые прогнились, – словом укоризны, тех, которые заблуждались, словом строгости, лешивых – словом убеждения, тех, которые начали совращаться, – словом предупреждения. И так как он был сам пропикнут живым жаром, то он воспламенял все народы своими немногоречивыми и простыми речами, и не только низшие классы, но даже королей и князей, и никто не смел и не мог ему сопротивляться. Около него собирались толпами из стран отдаленных, чтобы послушать и увидеть чудеса, совершаемые Господом его руками. На посылках приносили больных, ставили их по дорогам и на площадях, где он должен был проходить, чтобы он мог на пути коснуться их своей одеждой и исцелить от недугов. Иногда он сам дотрагивался до них; другой раз, не имея возможности подойти по причине стечения народа, он давал им свое благословение или поил святой водой, которую имел в своих руках. И вера, и благочестие как больших, так и тех, которые их приносили, была такова, что не только заслугами служителя Божия, но также по пламенности духа и по великой вере, не допускающей никакого сомнения, большая часть больных оказались достойными исцеления. Те, которые могли оторвать и сохранить самую малейшую часть его одежды, считали себя счастливыми. А потому, так как многие желали иметь куски его одежды, и народ рвал ее беспрестанно, то Фулько был приужден иметь всегда при себе новый подрясник. Обыкновенно толпа сдвливала его невыносимым образом, и он бил палкой тех, которые приставали к нему более других; чтобы не быть задушенным желавшими его коснуться, он таким образом отгонял их. Хотя ему случалось

иногда ранить тех, кого он бил, но они не оскорблялись и не роптали, и даже в избытке своего благочестия и при твердости своей веры целовали собственную кровь, как освященную Божиим человеком.

Однажды, когда кто-то сильно разорвал ему подрясник, он объявил толпе, говоря: «Берегитесь рвать мою одежду, ибо она не благословлена; но вот я благословляю подрясник этого человека». При этом он сделал крестное знамение, и народ в ту же минуту разорвал тот подрясник на тысячи кусков, и каждый сохранил для себя частицу, как священный останок.

Фулько был молотом и для людей корыстных и поражал не только ростовщиков, но и всех тех, которые накапливали богатства по скупости, особенно в те времена, когда поднималась цена на съестные припасы. Он сам часто восклицал: «Корми всякого, кто умирает с голоду; ты сам умрешь, если его не накормишь». Однажды, когда он объявил в своей проповеди, что «люди, проклятые пародом и скрывающие свой хлеб», намерены продать его по низкой цене до начала предстоящей жатвы и что в скором времени будет конец дороговизне съестных припасов, все, поверив его словам, как бы в нем говорил сам Господь, поспешили выставить на продажу спрятанный ими хлеб, и таким образом, сообразно его предсказанию, цена на съестные припасы действительно упала. Но он, видя коварных людей и предаваемый горестью, с такой силой вооружился против упорных грешников и против тех, которые медлили обратиться к Господу, что часто проклинал их или показывал вид, что прокликает. Все, опасаясь его проклятий, как грома и молнии, повиновались его приказаниям, и сами же утверждали, что каждый, кого он проклял, доставался в руки дьявола, и что другие падали внезапно на землю, покрытые пеной, как то бывает в паучей болезни.

Утомленный строгостью своего покаяния, нося на себе всегда жесткую власяницу и часто, как говорят, панцирь, будучи сдвливаем толпой, которая теснила его безмерно, Фулько нередко впадал в гнев. Но едва только раздавались его проклятия на тех, которые теснили его и которые ме-